

НОВАЯ ГАЗЕТА

РЕПОРТАЖИ • ПОЛИТИКА

От двух до пяти

Почему прокуратура оказалась «столь добра» к Марин Ле Пен

13:22, 5 февраля 2026,

Юрий Сафронов

обозреватель «Новой», Париж

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

В апелляционном процессе над Марин Ле Пен и ее однопартийцами случилась громкая новость — представители генпрокуратуры попросили не приговаривать хозяйку крайне правого «Национального объединения» к «немедленному исполнению» запрета на избрание. В теории эта «поблажка» может дать госпоже Ле Пен возможность выдвинуться в президенты Франции в следующем году — и даже шанс выиграть (в этом случае). Но что будет на практике?

Оценка шансов и короткий репортаж с процесса — от собкора «Новой» в Париже.

Марин Ле Пен. Фото: Юрий Сафронов / «Новая газета»

Сначала было пять с половиной часов (с двумя короткими перерывами), в ходе которых два прокурора, сменяя друг друга, чтобы не очень устать, зачитывали эсэмэски и мейлы,

приводили показания свидетелей, цитировали внутренние документы партии, извлеченные при обысках — вплоть до подвалов в домах фигурантов...

Подчеркивали: доказательства ясно демонстрируют, что «система хищения государственных средств» исправно работала в лепеновской партии в период рассматриваемых деяний (с 2004 по 2016 год).

Сначала «создателем и главой системы» был Жан-Мари Ле Пен, а потом, постепенно, особенно с тех пор как она «переняла у него бразды правления» партией в 2011-м, — его дочь Марин Ле Пен. Которая мало того что несколько раз была евродепутатом, так еще и «имеет юридическое образование, является адвокатом по профессии» и даже создавала юрслужбу партии, а потому «не может утверждать, что ничего не понимала» в правовых вопросах и не знала регламента Европарламента. Запрещающего платить зарплату депутатским помощникам, если их деятельность не связана с работой ЕП.

А «Нацфронт» (как тогда называлась партия) «нанимал» «абсолютно фиктивных помощников», которые на самом деле занимались совсем другими делами — кто-то был секретаршей Марин Ле Пен, кто-то — телохранителем, кто-то — советником во французской штаб-квартире партии... Деньги, полученные в качестве зарплат этих людей (примерно 4,5 млн евро), были использованы «для значительного обогащения» самой Марин Ле Пен, «людей из ее ближнего круга» и покрытия партийных долгов, подчеркивали гособвинители. Отвергая прозвучавшие на минувшей неделе в ходе ее опроса доводы самой Марин Ле Пен, которая при любой возможности не только подчеркивала, что «если кем-то в партии и были совершены ошибки», то «непредумышленно», но и всячески аккуратно перекладывала «ошибки» на людей, которые все-таки ей подчинялись.

Ближе к концу опроса, который [20 и 21 января](#) с

феноменальными цепкостью, скоростью и энергией вела судья Мишель Ажи,

госпожа Ле Пен выдала фразу, прекрасную своей двусмысленностью: «Если бы мы могли все сделать заново, мы бы так не сделали».

3 февраля, ближе к выдвижению требований по наказанию обвиняемых, **прокурор Тьерри Рамонатксо** подчеркнул: во-первых, «Марин пользовалась защитным экраном по имени Катрин Гризе (*одна из подсудимых, личная секретарша Марин на протяжении «трех десятков лет».* — Ю. С.), как это делал ее отец с (секретаршей) Мишлин Брюна» (перенаправляя потенциально опасную переписку и прочую документацию через них); во-вторых, после того, как партию возглавила Марин, там была установлена «квазисталинская дисциплина» (как заявлял один из бывших видных партийцев и, к слову, **«СВЯЗНЫХ»** по получению российских денег Эмерик Шопрад), и ни одно существенное решение не могло пройти мимо Марин.

Опровергая доводы Ле Пен о том, что все свидетели обвинения дали показания «просто из мести» и вообще «не занимали» в ней значимых постов и «не могли ничего знать», прокурор цитировал **мейл**, отправленный 16 июня 2014 года партийному казначею Сен-Жюсту тогдашним депутатом Европарламента от «Нацфронта» (к слову, еще одним **«российским связным»**) Жан-Люком Шаффхаузером после партсобрания, проведенного тогда Марин Ле Пен в Брюсселе. *«То, о чем нас просит Марин, равнозначно подписанию контракта на фиктивную работу... и именно депутат несет уголовную ответственность за свои средства, даже если партия является бенефициаром. Я понимаю мотивы Марин, но нас спалят, потому что, конечно,*

будут рассматривать наши расходы, с нашей такой большой фракцией (23 депутата. — Ю. С.), через увеличительное стекло...»

«Ничто в этом письме не выдает враждебности (Шаффхаузера) к партии. Напротив. Он хочет предупредить об опасности...» — подчеркнул обвинитель.

И напоминая, что «защита пыталась дискредитировать показания» свидетелей обвинения «заявлениями о мести», прокурор добавил, обращаясь к Ле Пен: «Вы не подавали никаких исков, чтобы их опровергнуть».

«Вы несете тяжелое бремя ответственности, сделав выбор идти по стопам вашего отца», — сказал Рамонатксо.

Кроме того, обвинитель, хотя и отметил изменение «линии поведения защиты» в апелляционном процессе (Марин Ле Пен теперь не обвиняет суд и прокуратуру в «манипуляциях» и «попытке (ее) политического убийства» и не дает громогласных комментариев прессе в коридоре Дворца правосудия), все же напомнил о том, что творилось в суде первой инстанции. Осудив лепеновский «выбор политически атаковать правосудие — вместо того, чтобы трезво проанализировать» содеянное, Рамонатксо отметил еще и опасность такого «выбора». В том числе — в физическом смысле этого слова: «Эти атаки <...> привели к ненависти, оскорблениям и угрозам (смертью), которым подверглись наши коллеги из первой инстанции», Уголовного суда Парижа.

И т.д.

Адвокаты Европарламента Патрик Мезоннёв (справа) и Беренис де Варрен вслед за прокуратурой повторили обвинения в том, что Ле Пен стояла в центре системы хищения средств. Фото: Юрий Сафронов / «Новая газета»

И вот после всего этого, за полчаса до окончания процессуального дня в Апелляционном суде Парижа, слово берет прокурор Стефан Мадоз-Бланше... И сначала напоминает о том, что «растрата государственных средств» в таком объеме — тяжкое преступление и может обернуться максимальным наказанием «до 10 лет тюрьмы и до двукратного возмещения похищенного», а также «запретом на избрание до 10 лет»... И что «немедленное исполнение» запрета на избрание — «разумная» и «необходимая» мера при определенных условиях... А затем уточняет, что хотел бы попросить суд в данном конкретном случае не придавать запрету на избрание характер «немедленного исполнения» (т.е. вступления в силу сразу, не дожидаясь прохождения обвиняемыми всех судебных инстанций: Уголовный суд — Апелляционный — Кассационный).

И просит такого снисхождения «для всех обвиняемых».

Поясняет: несмотря на довод суда первой инстанции о том, что запрет на избрание нужно применять немедленно после

приговора (первой инстанции), потому что иначе может состояться «серьезное нарушение общественного порядка»*, «существует также риск нарушения общественного порядка» в случае недопуска к выборам одного из ключевых кандидатов.

Подчеркивает, что до сих пор Марин Ле Пен не была окончательно осуждена, а значит, риск рецидива можно считать менее значительным. Запрашивает чуть более мягкий «срок» для хозяйки «Национального объединения»: не 2 года «реально» + 2 года условно, а 1 год «реально» (с заменой на домашний арест с электронным браслетом) + 3 года условно. Но, «сохраняя» тот же штраф (100 тысяч евро), не изменяет и длительность требуемого запрета на избрание — 5 лет.

Адвокат Европарламента Беренис де Варрен в перерыве заседания. Фото: Юрий Сафронов / «Новая газета»

Поможет ли Марин Ле Пен «послабление» в виде отмены «немедленного исполнения»? На первый взгляд кажется: точно не помешает.

На второй: эта поблажка может обернуться еще более тяжелой ситуацией для главной французской крайне правой партии, затянув время «саспенса».

Как будет развиваться ситуация, зависит от нескольких факторов. Самый главный должен проясниться «до начала лета»-2026, когда Апелляционный суд, согласно его январскому обещанию, должен вынести приговор (дата вынесения станет известна в последний день процесса, 11 февраля).

Лично у меня — с учетом доказательной базы — нет никаких сомнений, что приговор будет обвинительным, вопрос лишь в том, сохранит ли председатель суда Мишель Ажи требуемые прокуратурой 5 лет или снизит длительность «электорального запрета».

Если вдруг снизит до двух лет — это, в теории, позволит Марин Ле Пен принять участие в первом туре президентских выборов, который должен пройти в апреле 2027 года (потому что впервые осуждена по этому делу она была 31 марта 2025 года).

Если этого столь ожидаемого ею чуда не произойдет, но к тому же если Апелляционный суд еще и не решит «ослушаться» прокуроров и не «вернет» «немедленный запрет» на избрание — останется надежда на кассацию.

Точнее — на то, что решение Кассационного суда будет вынесено уже после президентских выборов. Опять же — с учетом доказательной базы.

Загвоздка в том, что Кассационный суд может «постараться» вынести свой вердикт до ключевого для Франции политического события. Во всяком случае, именно на это **намекнул** его председатель Кристоф Сулар в начале января. «В интересах надлежащего отправления правосудия — если это возможно, хотя я не знаю, будет ли это возможно — чтобы этот

вопрос был урегулирован до президентских выборов», — сказал судья.

Родольф Босселю, основной адвокат Марин Ле Пен, выражает сдержанный оптимизм. Фото: Юрий Сафронов / «Новая газета»

С учетом всего вышесказанного, а также ноябрьского заявления Марин Ле Пен о том, что она хоть и сохраняет «крошечную надежду», но вряд ли будет дожидаться решения Кассационного суда (потому что «нельзя начинать президентскую кампанию в последний момент»), ключевым будет как раз решение по итогам нынешнего, апелляционного процесса, вынесенное «до начала лета».

Если эта инстанция почему-то совершит для Ле Пен то самое «чудо», она может и изменить подход, предпочтя ждать «до последнего»: потому что Кассационный суд проверяет решения нижестоящих судов лишь с точки зрения юридической

корректности, а не пересматривает их по существу. И не изменяет меру наказания.

Так что «даешь двухлетний запрет»!

Потому что иначе сценарий «ожидания до последнего» поставит партию Ле Пен в крайне неудобное положение, подвесив главный вопрос — кто станет кандидатом: сама Марин или ее молодой дублер Барделла. И не даст вовремя определиться с кандидатурой.

Так что «добрая воля» прокуратуры потенциально может привести лишь к продолжению «иезуитской» политической попытки неизвестностью.

Но тут уж госпожа Ле Пен, чей приход к власти в 2027 году действительно угрожает (à mon avis) «общественному порядку» и спокойствию, может пенять только на свои «непредумышленные ошибки». Совершенные в составе организованной политической группы с 2004 по 2016 год.

** «А именно ситуация, при которой на президентских выборах баллотируется (осужденное) лицо», с «риском рецидива» в случае получения высшего поста в стране.*

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[С Марин срывают последнюю надежду](#)

Как в Париже прошел первый день решающего процесса над Ле Пен

11:36, 14 января 2026, Юрий Сафронов